

Архетипы провинциального сознания как проблема информационной политики

Александров В. Б.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация, vladboralex@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье анализируется феномен психологии провинциализма. Показывается архетипическая основа различных вариантов провинциального сознания. Отмечается, что архетипическая обусловленность сознания реализуется через модификацию комплекса неполноценности. Проводится мысль о том, что для успешного осуществления информационной политики необходимо специальное изучение сознания представителей конкретных провинций и конкретных социальных групп с целью определения специфики его архетипической основы, обуславливающей соотношение самооценки и оценки центра.

Ключевые слова: провинциальное сознание, архетип, комплекс неполноценности, власть, народ, информационная политика

Archetypes of the Provincial Consciousness as the Problem of Information Policy

Aleksandrov V. B.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation, vladboralex@mail.ru

ABSTRACT

In article the provincialism psychology phenomenon is analyzed. The archetypic basis of various options of provincial consciousness is shown. It is noted that the archetypic conditionality of consciousness is implemented through modification of an inferiority complex. The thought that successful implementation of information policy, requires special studying of consciousness of representatives of concrete provinces and specific social groups for the purpose of determination of specifics of its archetypic basis causing a ratio of a self-assessment and assessment of the center is carried out.

Keywords: provincial consciousness, archetype, inferiority complex, power, people, information policy

При решении проблемы повышения эффективности государственной информационной политики необходимо учитывать весьма многоплановую социальную и культурную неоднородность российского общества. Позициями, по которым просматривается эта неоднородность, являются и имущественное расслоение, и гендерное неравенство, и противостояние ценностей различных субкультур и многое другое. В этом ряду особое место принадлежит теме взаимоотношения центра и периферии, которая может выступать на разных уровнях: как взаимоотношение столиц и областных центров; столиц, областных центров и районных городов и т. д. В самом общем виде эта тема может быть определена как проблема взаимоотношения центра и провинции.

Конечно, эта тема не нова. В России с ее огромными пространствами разобщенность центра и провинции всегда была одной из наиболее характерных черт общественной жизни. Эта разобщенность проявлялась как в естественном раз-

личии образов жизни столичного жителя и провинциала, так и в несовпадении тех ценностей, которые наполняли смыслом их жизнь. Данное обстоятельство обуславливало ущербность, хотя и в разных смыслах, обеих сторон этого отношения — и центра, и провинции. Как писал Н. А. Бердяев, «...Необъятная величина России и особенности ее истории породили невиданные контрасты и противоположности... Незрелость глухой провинции и гнилость государственного центра — вот полюсы русской жизни. И русская общественная жизнь слишком оттеснена к этим полюсам. А жизнь передовых кругов Петрограда и Москвы и жизнь глухих уголков далекой русской провинции принадлежит к разным историческим эпохам» [2, с. 73].

Потеряла ли остроту эта проблема сегодня, в условиях формирования «глобальной деревни», непредставимого в начале XX века, когда писались вышеприведенные строки, развития средств массовой коммуникации, «стягивающих» в единое информационное пространство огромные территории, позволяющих оперативно получать информацию о событиях, происходящих в самых отдаленных уголках не только нашей страны, но и всего мира? Иногда приходится слышать отчетливо утвердительный ответ, аргументируемый в том духе, что проблема провинциализма является в наше время не географической проблемой, а духовной, что можно жить в провинции и не быть провинциалом и т. д., и т. п. В свое время подобная риторика называлась разговорами в пользу бедных.

Думается, что развитие средств массовой коммуникации, создающее условия для хорошей информированности жителей провинции, не снимает и не ослабляет проблему провинциализма, а переводит ее в другую плоскость. В настоящее время провинциализм выражается не столько в неразвитости, необразованности или незрелости, говоря словами Н. А. Бердяева, сколько в особой психологии, главными чертами которой выступает переживание своей ущербности, отчужденности от возможностей современной цивилизации, неценности того труда, который осуществляется в интересах всей страны. Благодаря радио и телевидению житель провинции получает возможность сравнивать свой образ жизни и те стандарты, которые весьма агрессивно навязываются средствами массовой информации и которые возможны только в столичных городах. И результаты этого сравнения оказываются далеко не в пользу жителя провинции.

В силу этого обстоятельства сознание жителя провинции одной из характерных своих черт имеет неприятие центра, ревнивое отношение к возможностям его жителей и, как своеобразную компенсацию этих переживаний, презрительное отношение к ним и их образу жизни. Рационализация этих переживаний осуществляется в особой «метафизике», утверждающей, что столичная жизнь — это сфера «неподлинного бытия», в рамках которой человек оказывается оторванным от своих естественных корней, в силу чего происходит его моральная и духовная деградация.

Главная доминанта психической жизни провинциала может быть выражена, на наш взгляд, представлением о значимом комплексе неполноценности, формирующемся, как показал А. Адлер, на основе нереализованного стремления к превосходству, порождающего ощущение собственно ущербности. Характеризуя этот комплекс, Адлер отмечает, что он «представляет собой патологическое чувство, обязательно требующее легкой компенсации и особого удовлетворения и в то же время препятствующее достижению успеха, увеличивая барьеры, уменьшая при этом резервы мужества» [1, с. 66]. В тех случаях, когда индивидуальные усилия по достижению успеха оказываются неосуществимыми, преодоление комплекса неполноценности и соответственно реализация стремления к превосходству преодолеваются феноменом «социального чувства», ориентирующим людей на создание объединений в целях сохранения и усиления своих претензий на превосходство. Иными словами, стремление к преодолению комплекса неполноценности порождает своеобразные объединения людей совмест-

ными усилиями, преодолевающими этот комплекс. По Адлеру «как индивидуалистическое стремление к превосходству, так и чувство ориентации на общество имеют одну и ту же базу в человеческой природе. Оба они являются проявлением изначального желания самоутвердиться и разнятся только по форме» [1, с. 91]. Намеченный Адлером психологический механизм является достаточно хорошей моделью, определяющей феномен противостояния провинциального сообщества центру. Поэтому выстраивание отношений центра с провинцией целесообразно выстраивать исходя из этого фундаментального обстоятельства, и представлять своего рода терапию комплекса неполноценности, свойственного провинциальному сознанию.

Работа в этом направлении, в первую очередь, конечно, предполагает решение реальных проблем повышения материального благосостояния провинции, качества жизни, возможностей для реализации своих культурных запросов. Однако все это не отменяет необходимости психологического подхода, реализуемого в рамках информационной политики, который может включать в себя ценностно-смысловую интерпретацию предлагаемых социально-экономических и культурных программ, опирающуюся на постоянный психологический мониторинг, направленный на установление степени удовлетворенности теми возможностями для личностной самореализации, которые предоставляет жизнь в провинции.

Такого рода деятельность должна, однако, учитывать, по нашему мнению, то обстоятельство, что динамика комплекса неполноценности имеет еще один важнейший источник. В качестве такого источника выступают архетипы коллективного бессознательного, которые представляют собой отражение постоянно повторяющегося опыта человечества в виде особого рода субъективных реакций, которые имеют характер побуждения к действию [5, с. 109–110]. Архетипы являются некоторым «дремлющим зверем», который может просыпаться в определенных условиях. Можно сказать, что обострение (или ослабление) комплекса неполноценности определяется двумя противостоящими друг другу факторами. Это, во-первых, объективные обстоятельства, которые могут быть рационально осмыслены и соотнесены с определенной ценностной шкалой. Во-вторых, — это архетипы, коренящиеся в сфере бессознательного.

Архетипы коллективного бессознательного, в тех или иных конкретных ситуациях, у различных социальных категорий могут актуализироваться в разных комбинациях и с разной энергетикой в зависимости от системы ценностей, через призму которой конкретная категория населения данную ситуацию воспринимает, и которая сама, в конечном счете, находится под влиянием архетипических пластов личности. Поэтому, например, удовлетворение в равной степени экономических запросов различных категорий населения никогда не приведет к одинаковому снижению комплекса неполноценности. Это связано с тем, что ценностное восприятие одних и тех же условий в сознании различных категорий населения будет по-разному актуализироваться архетипической основой личности, что, в свою очередь, обусловит ту или иную степень интенсивности проявления комплекса неполноценности.

Важнейшими архетипами, актуализирующимися комплексом неполноценности человека, живущего в провинции, выступают, на наш взгляд, *архетип власти* и *архетип народа*. Архетип власти, согласно К. Юнгу, является одним из проявлений универсального архетипа разлитой в природе силы, духа, «примитивной энергии», первоначального представления о Боге, Божественной благодати, ореоле святости и пр. [5, с. 108–109]. Архетип народа можно определить как проявление чувства принадлежности к глубинным условиям человеческого бытия, его питающим истокам, которые представляют первозданную стихию, противостоящую власти в своей подлинной первозданности. В истории человечества эти архетипы находили различное выражение в мифологических образах, философских учениях, религиозных представлениях. Примерами тому являются Инь и Ян, в даосизме, демиург,

творящий вещи, и бескачественная материя, которая оформляется в результате этого творения, в платонизме и т. п.

Названные архетипы позволяют конкретизировать представления о процессах, происходящих в психической жизни людей, связанных с их принадлежностью к столичной жизни или к жизни в провинции. Если говорить о сознании провинциала, то применительно к нему можно зафиксировать тенденцию к определяющей роли архетипа народа, являющегося источником противостояния центру, ощущения подлинности своего существования в противовес образу жизни столичного жителя. Архетип власти, выражающей противоположную направленность психических процессов, здесь подавляется и отступает на второй план.

С другой стороны, для значительной части жителей столичных центров, ориентирующейся на высокие, универсальные для современной культуры потребления стандарты жизни, имеющей принципиально иные возможности для личностной самореализации, нежели периферия, оказывается свойственным понимание себя как «креативного класса». Для этой категории населения оказывается характерным чувство необязательности принадлежности к народу, который для него выступает в лучшем случае некоторой абстракцией, в незначительной степени, формирующей его самосознание. Эту ситуацию можно истолковать как проявление доминантного характера архетипа власти. Архетип народа в данном случае уходит в *тень*.

Слово «тень», употребленное в данном контексте, отсылает нас к важной стороне учения Юнга об архетипической основе человеческой психики. Согласно этому учению каждой установке в сфере бессознательного противостоит противоположная установка, называемая Юнгом Тенью. В свете этого учения можно представить взаимоотношение между архетипами власти и народа как отношение определяющей установки и ее Тени. Если для жителя провинции архетипом выступает народ, а власть его Тенью, то для столичного жителя архетип это власть, а его Тенью выступает народ. Этот взаимный переход отражает глубинную диалектику власти и народа. Существование народа делает необходимым существование власти, которая, с одной стороны, наполняет смыслом его существование, наделяет качеством «субъектности», но с другой, разрушает его «первозданность». Власть существует постольку, поскольку она имеет в народе свой предмет, через который она обретает оправданность своего существования, а с другой, в нем же она находит возможность собственного разрушения и деградации.

К. Г. Юнг, исследуя взаимоотношение коллективного бессознательного и рациональной установки, опирается на выдвинутую, как он сам полагает, еще Гераклитом, идею единства и взаимного перехода противоположностей. Этот взаимный переход или взаимное сближение противоположностей он называет вслед за древнегреческим мыслителем энантиодромией. Закон энантиодромии должен, по мнению Юнга, использоваться при осмыслении взаимных переходов культурной установки и сферы иррационального, содержание которой составляют архетипы. Данный закон обуславливает энергетически мощные проявления, сутью которых является подмена рациональной установки иррациональным фактором, возникновение того, что можно назвать, по Юнгу, мономанией, одержимостью, сильнейшей односторонностью, грозящей тяжелейшим образом нарушить психическое равновесие. «От жестокого закона энантиодромии, — пишет К. Г. Юнг, — ускользает лишь тот, кто умеет отличать себя от бессознательного, не посредством, скажем, того, что он его вытесняет — ибо тогда оно просто овладевает им изподволя, — а посредством того, что делает его видимым и ставит его перед собой как нечто отличающееся от него» [5, с. 114]. Иными словами, страстно утверждаемые социальные претензии могут иметь в своей основе энергетику, коренящуюся в сфере бессознательного, что далеко не всегда осознается субъектом, выдвигающим эти требования.

Однако такое применение закона энантиодропии еще не исчерпывает полностью его значения для понимания процессов, происходящих в психике человека. Этот закон, на наш взгляд, управляет и жизнью самих архетипов, которые являются содержательно неоднородными и внутренне противоречивыми. Причем противостоящие друг другу стороны архетипов имеют свойство сближаться и переходить друг в друга.

Так, архетип власти распадается на две противостоящие друг другу ипостаси — власть как источник силы и могущества страны, консолидирующий общество, как высшее начало справедливости и праведности, и власть как средоточие порока, враждебное простому человеку начало, смыслом существования которого является собственное благополучие и процветание за счет народа. Обе эти стороны архетипа власти находят свое выражение в искусстве. Прославлению власти отдали долг многие русские поэты, писатели, художники от Ломоносова до Маяковского. Не обделена вниманием деятелей искусства и вторая сторона архетипа власти. Образ власти как порочного начала нашел, например, весьма убедительное отражение в гениальном произведении Салтыкова-Щедрина «История одного города» в сочиненном одним из его персонажей — градоначальником Беневоленским — «Уставе о свойственном Градоправителю добросердечии».

Назовем лишь два характерных пункта из этого «документа»: «7. Да памятует градоправитель, что ни от кого иного слава Российской империи украшается, а прибитки казны умножаются, как от обывателя. 8. Посему: казнить, расточать или иным образом уничтожать обывателей надлежит с осмотрительностью, дабы не умалился от таковых расточений Российской империи авантаж и не произошло для казны ущерба» [4, с. 190].

Указанные стороны архетипа власти не являются, по-видимому, абсолютно противостоящими друг другу или взаимоисключающими. Они могут сближаться и перетекать друг в друга.

Точно также внутренне разорван и противоречив архетип народа. Прежде всего, он включает в себя переживание народного начала как средоточия справедливых устремлений, чистоты и праведной силы, которое нашло широкое отражение в русской литературе. Вспомним, например, слова из «Железной дороги» Н.А. Некрасова: «Благослови же работу народную / и научись мужика уважать». С другой стороны, народ может бессознательно восприниматься как инертная сила, заключающая в себе нечто глухое, неразвитое и может быть даже мрачное и страшное начало. За примером проявления этой стороны архетипа народа вновь обратимся к названному выше творению М. Е. Салтыкова-Щедрина. Говоря о жизни глуповцев, он с необычайной выразительностью описывает, как они в критические минуты бессмысленно убивали друг друга, готовы были сбрасывать с колокольни и с раската всех, кто казался им причиной их несчастий, перебивать огромное количество тел «народных», и даже клеветать друг на друга. «Всякий вспоминал про своего ближнего всякое, даже такое, что тому и во сне не снилось, и так как судоворение было краткословное, то в городе только и слышалось: шлеп-шлеп-шлеп» [4, с. 62]. К сожалению, подобные «самообнаружения» народной стихии не являются исключительным достоянием творческого воображения писателя.

Действие архетипов, определяющих конкретное содержание того или иного типа сознания, очевидно, осуществляется не автономно, независимо друг от друга, а во взаимной связи, в которую они вступают в том или ином состоянии, связанном с акцентировкой той или иной из названных выше сторон каждого из них. Рассмотрим основные варианты таких комбинаций.

1. Первый архетип: власть порочна, замкнута на себя и существует только для себя; второй архетип: народ темен, убог и не способен к созидательному действию.

2. Первый архетип: власть порочна, замкнута на себя и существует только для себя; второй архетип: народ несет в себе творческое, созидательное начало, в глубинах народной жизни заключена возможность кардинального обновления общественной жизни.
3. Первый архетип: власть источник силы государства, она является носителем начал справедливости и праведности, источником тех возможностей, которые так необходимы для успешного развития общества и данного региона, в частности, благодаря чему она способна выполнить консолидирующую функцию; второй архетип: народ темен, инертен и неспособен к самостоятельному созидательному действию.
4. Первый архетип: власть источник силы государства, она является носителем начал справедливости и праведности, благодаря чему может выполнить консолидирующую функцию; второй архетип: народ несет в себе творческое, созидательное начало, в глубинах народной жизни заключена возможность кардинального обновления общественной жизни.

Каждая из названных комбинаций обуславливает специфический тип активности, с которым можно столкнуться в провинции. При этом, конечно, следует иметь в виду, отмеченное выше обстоятельство, касающееся того, что действие архетипов преломляется через ряд факторов, имеющих социальную природу. С одной, стороны, это культурная традиция, касающаяся взаимодействия центра и регионов, традиция отношения к власти. Последняя, конечно, будет особым образом специфицироваться в рамках тех или иных социально-классовых, профессиональных, национальных общностей, обуславливая направление вектора и энергетику, которые будут характеризовать способ формы актуализации сферы бессознательного. Это выразится в том, что на первый план в побуждении к действию представителей различных общностей будут выходить те или иные из вышеперечисленных комбинаций архетипов.

С другой стороны, действие архетипов будет «наткаться» на политику власти, те проекты, которые власть пытается реализовать в данном регионе в конкретной сфере общественной жизни. Оно во многом будет зависеть от социальной направленности этих проектов. При этом, конечно, в разные эпохи действие каждого из этих факторов имеет различную силу. В доиндустриальном обществе очевидно особая роль принадлежит традиции, которая воспроизводит действие определенных связок архетипов, которые оказывают устойчивое влияние на поведение конкретных социальных субъектов.

В современном, условно говоря, информационном обществе, когда возможности разнопланового, целенаправленного влияния на общественную жизнь безмерно возрастают, особое значение приобретает политика, проводимая властью, как в отношении развития регионов, так и в отношении самого центра, ее интерпретация в средствах массовой информации. При этом значение имеет не только собственно содержательная часть проектов, но и их ценностно-смысловое наполнение, которое может стимулировать интеграционные тенденции в обществе, осознание системной природы его единства, когда каждый регион, «провинция», оказывая влияние на развитие социальной системы в целом, сами оказываются зависящими от успехов ее развития.

Иными словами, рассмотрение психологических оснований такого феномена, как провинциализм, не должно идти по пути, так сказать, «архетипического детерминизма». Речь должна идти о взаимодействии импульсов, идущих из социально-культурной сферы и коллективного бессознательного, в котором в данных обстоятельствах актуализируются конкретные комбинации архетипов.

Рассмотрим специфику психологии и поведенческих моделей, связанных с названными выше комбинациями архетипов.

Первая из перечисленных комбинаций, очевидно, является основанием для формирования чувства обреченности — комплекс неполноценности не преодолевается и остается доминирующей тенденцией. Этот вариант отражает ситуацию, когда власть, как в центре, так и в лице своих представителей на местах, демонстрирует полное равнодушие к населению, его жизненным проблемам, становится криминальной сама или срачивается с криминалитетом и лишь имитирует озабоченность интересами населения. В этих условиях человек минимизирует участие в общественной жизни, которое в принципе оказывается бессмысленным и занимается решением, в рамках предоставленных возможностей, личных проблем. Некоторое смягчение действия комплекса неполноценности осуществляется в сфере «метафизической» — семейных и приятельских разговорах о «подлости» и «вредоносности» начальства, более образованные создают свою философию, прообразы которой просматриваются, например, в учениях мыслителей эпохи эллинизма. В исключительных случаях в подобной ситуации могут создаваться закрытые организации, религиозные секты, так или иначе, утешающие страждущих.

Вторая комбинация является основой разного рода программ автономизации, усилий по развитию собственного региона в духе автаркии по отношению к центру. Такая позиция может быть определена как активный провинциализм. Наиболее продвинутые его представители пытаются обосновать особое значение региона, право на самостоятельное, независимое от центра развитие обращением к истории, установлением особых экономических возможностей развития региона, культурными, а возможно и конфессиональными особенностями. Изобретаются собственные символы, «назначаются» герои, создается собственная мифология. Именно этой ситуации соответствуют слова Н.А. Бердяева, который писал, что «одинаково должны быть преодолены и ложный столичный централизм, духовный бюрократизм, и ложное народничество, духовный провинциализм. Одинаково неверна и столичная ориентировка жизни, и ориентировка провинциальная. Это две стороны одного и того же разрыва в народной жизни» [2, с. 74]. Абсолютизация собственной специфики лжест самосознанию провинциала, создает иллюзию полноценности бытия, на которое он обречен условиями своего рождения. Однако при столкновении с достижениями и возможностями других культур упоение собой нередко оборачивается фрустрацией, утратой жизненных смыслов, падением искусственно завышенной самооценки.

Третья комбинация выражает отказ от активности, неверие в собственные силы и возможности. Однако здесь происходит иллюзорное преодоление комплекса неполноценности на основе благожелательного принятия центральной власти, которая идеализируется и нередко персонифицируется через образ постоянно думающего о своих подданных царя-батюшки или отца всех народов. Такой тип сознания может характеризоваться готовностью с «чувством глубокой благодарности» принимать заботу столичного филантропа. Другим оттенком проявления подобной комбинации импульсов из сферы коллективного бессознательного является мазохистски-безоговорочное принятие власти, действующей на основе «научных законов общественного развития», что освобождает от тяжелой ответственности, связанной с самостоятельным социальным творчеством. Примером тому может быть ситуация, когда «этатистский рационализм большевизма организовал наступление «всеобщности» на особенное и индивидуальное, всюду преследуя их, добиваясь стандартизации и унифицирования» [3, с. 159]. В этих условиях архетип власти как бы поглощает архетип народа, и преодоление комплекса неполноценности происходит через некритическое принятие власти. Создается своеобразный феномен самоотречения во имя величия центральной власти, которая начинает представлять нацию в целом, и для которой хочется петь: «до-

рогая моя столица...». Такое экстатическое принятие центра, столицы является как раз тем фактором, который амортизирует действие комплекса неполноценности и осуществляет своего рода терапию чувства ущербности и неполноты собственной жизни.

Четвертая комбинация — наиболее продуктивная. Она ориентирована на собственные возможности наряду с ориентацией на конструктивный диалог с центром, который естественно предполагает признание у последнего определенного положительного потенциала и, соответственно, интенций на развитие провинции. Здесь уважение к себе сопрягается с уважением к центру.

Подобная ситуация возможна в условиях грамотно выстроенного федерализма, реализации принципов местного самоуправления, адресной социальной политики, развития культурного обмена, средств массовой коммуникации. Психологическим коррелятом этих процессов является укрепление чувства собственной значимости у различных категорий населения региона.

Духовной основой, «метафизикой» подобной ориентации является вера в единство нации, понимание себя, как центром, так и провинцией, частью стороной ее единой истории.

Учет приведенных комбинаций оценки центра и самооценки «провинции» является необходимым условием осуществления информационной политики, направленной на формирование единства общества. В основе этой политики должно быть определение соотношения объема и содержания информации, направленной на демонстрацию возможностей центра, благополучного существования его жителей, образа жизни, быта и отдыха, и того материала, который отражает возможности данной конкретной «провинции» в плане обеспечения полноценного личностного самоосуществления проживающих в ней людей.

Думается, что задача достижения баланса в соотношении этих двух важнейших мотивов в информационной политике не может иметь однозначных и универсальных рецептов своего решения. В каждом конкретном случае при определении стратегии информационной политики необходимо изучение в свете перечисленных оппозиций общественного сознания региона, условий жизни населяющих его людей.

Подобное изучение, с одной стороны, должно быть фактором осуществляемых в регионе мер по его экономическому и социальному развитию, а с другой стороны, принципиальным основанием такого содержательного наполнения информационного процесса, который бы подводил к позитивной оценке образа жизни в данном конкретном регионе, позволяющей спокойно и без ревности воспринимать «процветание» центра.

В завершение заметим, что формирование информационной политики должно, на наш взгляд, базироваться и на своеобразной психоаналитической практике определения тех архетипов, которые являются типичными для различных социальных категорий представителей данной провинции и выведении их, как предлагает Юнг, из сферы бессознательного в область сознания. Такое выведение предполагает открытое обсуждение тревожащих людей импульсов, закодированных в названных в статье архетипах.

Литература

1. Адлер А. Воспитание детей. Взаимодействие полов. Ростов н/Д : Феникс, 1998.
2. Бердяев Н. А. Судьба России. М. : Советский писатель, 1990.
3. Панарин А. С. Философия политики. М. : Наука, 1994.
4. Салтыков-Щедрин М. Е. История одного города. Господа Головлевы. Сказки. М. : Художественная литература, 1975.
5. Юнг К. Г. Психология бессознательного. М. : Канон, 1994.

Об авторе:

Александров Владимир Борисович, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор философских наук, профессор; vladboralex@mail.ru

References

1. Adler A. Education of children. Rostov-on-Don : Phoenix, 1998. (In rus)
2. Berdyaev N. A. Fate of Russia. M. : Soviet writer [Sovetskii pisatel'], 1990. (In rus)
3. Panarin A. S. Philosophy of Policy. M. : Science [Nauka], 1994. (In rus)
4. Saltykov-Shchedrin M. E. History of one city. The Golovlyov Family. Fairy tales. M. : Fiction [Khudozhestvennaya literature], 1975. (In rus)
5. Jung C. G. Psychology of unconscious. M. : Canon, 1994. (In rus)

About the author:

Vladimir B. Aleksandrov, Professor of the Chair of Journalism and Media Communications of North-West institute of management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Philosophy), Professor; vladboralex@mail.ru